

© 1998 г.

VICTOR PARKER. *Untersuchungen zum Lelantischen Krieg und verwandten Problemen der frühgriechischen Geschichte*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. 189 S. (Historia. Einzelschriften, Heft 109)

Как видно из предисловия, книга Виктора Паркера «Лелантская война и смежные проблемы раннегреческой истории» является переработанным вариантом диссертации, подготовленной в 1992 г. в Гейдельбергском университете на факультете ориенталистики и антиковедения под руководством известного специалиста по греческой архайке Ф. Гшницера. В. Паркер отмечает, что военный конфликт архаического времени между двумя еврейскими городами Халкидой и Эретрией неоднократно рассматривался в научных статьях. Однако необходимость подробной разработки всех связанных с историей этой войны вопросов побудила автора написать монографическое исследование.

Первая глава представляет собой обзор литературных источников (с. 11–24). Здесь главное препятствие для историка заключается в том, что античные авторы практически ничего не сообщают о масштабных военных действиях под названием «Лелантская война»¹ (далее – ЛВ). Это обстоятельство позволило, например, Детлефу Фелингу усомниться даже в реальности самого события². Самым веским является свидетельство, содержащееся в вводной части «Истории» Фукидида (I. 15), но при истолковании оно способно вызвать затруднения.

Фукидид, рассказывая о развитии военного дела в Греции, говорит о том, что в древние времена на суше не было военных действий, следствием которых могло бы стать сколько-нибудь заметное усиление (τις δύναμις) того или иного греческого государства. Не было ни далеких походов, ни военных союзов – как созданных крупнейшими городами, так и возникших на основе равноправия. Дело не шло дальше пограничных конфликтов городов-соседей. После этого в тексте Фукидида следует фраза (I. 15. 3): μάλιστα δὲ ἐς τὸν πάλαι ποτὲ γεγόμενον πόλεμον Χαλκιδέων καὶ Ἐρετριῶν καὶ τὸ ἄλλο Ἑλληνικὸν ἐς συμμαχίαν ἐκατέρων διέστη. В. Паркер отмечает, что в данном случае нелегко понять, что значит наречие μάλιστα. Его регулярное значение «в особенности» должно было бы в контексте придать всему предложению смысл типа: особенно хорошим примером простого пограничного конфликта является война Халкиды и Эретрии. Но этому, по мнению автора, противоречат слова о том, что прочая Греция разделилась на союзников халкидян или эретрийцев.

Паркер справедливо отвергает совершенно неприемлемое толкование схолиаста (Schol. Thuc. ad loc.), понявшего διέστη как (sc. прочая Греция) «устранилась», «не участвовала». Со своей стороны, он предлагает видеть здесь уступку, оборачивающуюся противопоставлением ЛВ всем прочим войнам того времени, и переводит так (с. 18): «Но при этом скорее всего (am ehesten noch) (sc. далекие военные походы, союзы мелких городов под руководством более крупных, военные объединения на основе равноправия существовали) во время войны халкидян и эретрийцев» и т.д. Первая очевидная натяжка этого толкования – несвойственная для комбинации μάλιστα δὲ уступительная функция, при том, что само уступительное предложение странным образом оказывается в эллипсе. Во-вторых, замечание Фукидида оказывается в резком контрасте с его собственным выводом, сформулированным несколькими строчками ниже: в течение долгого времени, предшествовавшего периоду гегемонии Спарты и Афин, греки не совершили ничего примечательного ни сообща, ни поодиночке (I. 17). Судя по всему,

¹ Поводом для современного обозначения «Лелантская война» послужили в первую очередь данные «Географии» Страбона (X. 1. 12, р. 448) и «Пира семи мудрецов» Плутарха (Sept. sap. conv. 10, р. 153 sq.), где говорится о войне Халкиды и Эретрии из-за Лелантской равнины.

² Fehling D. Zwei Lehrstücke über Pseudo-Nachrichten // RhM. 1979. 122. S. 199–210.

сказанное должно касаться и ЛВ. Посмотрим, нельзя ли найти другие возможности интерпретации.

На мой взгляд, противоречие между первой и второй частью приведенной фразы исчезнет, если мы истолкуем мысль Фукидида следующим образом: конфликты между соседями могли быть причиной распрей даже среди остальных греческих городов. Обратим внимание, что в нашем предложении слово διέσθη (в значении «был в ссоре, враждовал») явно перекликается с οὐ συνηύεσθαι (в значении «не были в союзе, не находились в дружеских отношениях») предыдущего предложения (I. 15. 2–3). Очевидно, что наречие μάλιστα естественным образом должно быть отнесено к глаголу διέσθη. Следовательно, ЛВ интересуется Фукидида как пример максимальной разобщенности греческих городов, а вовсе не как исключение из общего правила. В этом случае перевод будет выглядеть примерно так: «Более всего враждовали греки (сс. не только соседи, но) и прочие, помогая одни одной, другие – другой стороне, во время возникшей некогда в древности войны халкидян и эретрийцев». Фукидид, в самом деле, выделяет этот пограничный конфликт из всех остальных, но не приписывает ему значения войны между двумя военными союзами. Отсюда следует, что интерпретация В. Паркера искажает данную афинским историком оценку ЛВ.

Примечательно, что Аристотель также называет этот конфликт войной соседей (Polit. 1289b 39). Паркер, однако, полагает, что его сообщение не имеет особого веса, так как оно полностью зависит от Фукидида, которого Аристотель, вероятно, неправильно понял. В частности, по мысли Паркера, на связь между двумя текстами должно указывать слово ἀστυεῖτονες. Здесь также можно привести возражения: 1) слово ἀστυεῖτονες не настолько редкое, чтобы служить достаточным доказательством полной зависимости Аристотеля от Фукидида; 2) выходцу из Стагиры, связанной с Халкидой со времени колонизации, и автору сочинения о государственном устройстве халкидян могло быть немало известно об истории Евбеи; 3) Аристотель (Plut. Amatorius 17, p. 760e – 761b = Arist. fr. 98 Rose) знал о фессалийских всадниках, присланных на помощь Халкиде, а также о подкреплении, прибывшем из какой-то фракийской колонии халкидян. Однако это не повлияло на его общую оценку ЛВ. Наконец, трудно согласиться с Паркером в том, что слова Фукидида (I. 15. 2) о дальних военных походах (ἐκδημοὶ στρατεῖαι) могли относиться к тому типу союзнической помощи, о котором говорит текст Плутарха. Фукидид пишет, что цель этих походов, если бы они были, состояла бы в покорении земель далеко за пределами собственной территории (ἐκδήμους στρατείας πρὸς ἀπὸ τῆς αὐτῶν ἐπ' ἄλλων καταστροφῇ οὐκ ἐξῆσαν οἱ Ἕλληνες).

В итоге, нет серьезных оснований сомневаться в историчности самой ЛВ. Не исключено, что многие греческие города помогали халкидянам или эретрийцам; это имеет в виду Фукидид (I. 15. 3) и, может быть, Геродот (V. 99). Но ни один литературный текст не говорит, что эта война вышла за пределы Евбеи, превратившись в войну между союзниками двух враждующих городов. Стремление доказать противоположное в нескольких случаях приводит В. Паркера к натяжкам в интерпретации античной традиции.

Вторая глава книги (с. 25–43) посвящена археологическому изучению Евбеи. Наиболее хорошо исследованы Эретрия и Ксерополь (совр. Лефканди). В Халкиде до сих пор не было систематических раскопок. Важнейшими памятниками Эретрии являются оборонительная стена начала VII в. до н.э., окружавшая, видимо, весь город, а также некрополь, расположенный к западу от города. В некрополе особенно примечательны погребения знатных граждан, датирующиеся 715–690 годами до н.э. В некоторых из них обнаружены рубящие мечи и наконечники метательных копий. По убеждению швейцарских археологов, обследовавших памятник, погребенные были удостоены героического культа ок. 680 г.

Ксерополь, не фигурирующий в письменных источниках, интересен по двум причинам. Во-первых, велика вероятность, что это поселение и есть та «древняя Эретрия», о которой было известно Страбону (IX. 2. 6, p. 448). Видимо, не случайно Ксерополь постепенно приходит в упадок после 825 г., т.е. примерно в то же время, когда возникает (возможно, первоначально как гавань) нынешняя Эретрия. Во-вторых, город был окончательно оставлен после пожара ок. 700 г., что скорее всего связано с ЛВ.

В третьей главе (с. 45–58) автор обращается к рассмотрению халкидской и эретрийской колонизации. Сначала он останавливается на вопросе о происхождении фракийских халкидян. Полибий (IX. 28) и Страбон (VII. fr. 11; X. 1. 8, p. 447) сообщают о еврейской колонизации п-ова Халкидика. Веские доводы, которые могли бы опровергнуть эту традицию, отсутствуют. Тем не менее недоверие к ней выражалось некоторыми учеными³. В. Паркер решительно высту-

³ См., например: Zahn M. Olynth und die Chalkidier. Kiel, 1971. S. 12–27.

пает в защиту традиции, останавливаясь на следующих моментах: 1) язык надписей Олинфа имеет особенность, свойственную в рамках ионийского диалекта только евбейским надписям, – проникновение тематических форм инфинитива в флексию атематических глаголов; это говорит в пользу предположения, что язык фракийских халкидян – евбейский вариант ионийского диалекта; 2) алфавит фракийских халкидян сохранил следы «западного» алфавита, использовавшегося на Евбее; 3) календарь фракийских халкидян имеет евбейские параллели.

Существует традиция об участии Халкиды вместе с Андросом в колонизации восточной части Халкидики (Стагира, Сана). Эретрия имела колонии на западе полуострова (Менда) и, вероятно, в северо-восточном углу Фермейского залива (Дикайя). В письменных источниках практически нет указаний на время основания этих колоний. Не было там и археологических раскопок. Из общих соображений В. Паркер заключает, что Халкида и Эретрия совместно осваивали Халкидику и это освоение завершилось до 700 г. Нужно заметить, правда, что в этом случае возникает определенное противоречие с датировкой хронографов (650-е годы для Стагиры и Аканфа), но без дополнительных сведений вопрос решить невозможно. Напротив, присутствие евбейцев в Аль-Мине имеет четкие хронологические границы благодаря археологическим памятникам. Евбейская керамика практически не встречается в слоях, датирующихся после 700 г. Что касается верхней границы, то прежняя дата – ок. 800 г. – подверглась недавно пересмотру в результате изучения так называемых евбейских скифосов с полукруглыми фестонами. Образцы этих скифосов в Аль-Мине следует датировать второй половиной VIII в. до н.э.

Колонизация Центральной Италии (Питекуссы, Кумы), Восточной Сицилии (Наксос) и побережья Мессинского пролива (Занкла, Регий) приходится на время от 770 до 725 г. В. Паркер не исключает, что прекращение интенсивных контактов Евбеи и Запада можно датировать ближе к 710 г. Евбейское участие в колонизации Адриатики археологически не засвидетельствовано. Однако, согласно Плутарху (*Quaest. graec.* 11, р. 293), на Керкире существовало эретрийское поселение, уничтоженное затем коринфянами. В пользу такого поселения говорят, возможно, и близкие типы евбейской и керкирской монетной чеканки. Традиционная дата коринфской колонизации Керкиры совпадает с датой основания Сиракуз – 733 год (ср. *Strabo*. VI. 2. 4, р. 269). Ссылаясь на пристрастие древних авторов к синхронизации событий, Паркер предпочитает датировать появление коринфян на Керкире более поздним временем – 706 годом (такая дата коринфской колонизации Керкиры фигурирует у Иеронима). Замечено, что автор также стремится синхронизировать нижние даты всех перечисленных событий. Ничего невозможного в этом нет. Однако читатель не должен забывать, что привести источники к полному согласию все же не удается.

Очевидно, по замыслу В. Паркера, в основе всей исторической конструкции должна лежать хронология центрального события – самой ЛВ. Этой теме посвящена четвертая глава (с. 59–93). Как известно, датировка ЛВ – спорный и трудноразрешимый вопрос. Литературные источники, прямо говорящие о ЛВ, помещают это событие где-то в архаической истории. Понятно, что предлагавшиеся исследователями даты приходятся на промежуток от 750 до 550 года до н.э. В. Паркер попытался решить поставленную задачу, обратившись к косвенной литературной традиции. В первую очередь, здесь заслуживает внимания приводимый Плутархом фрагмент Архилоха (*Plut. Thes.* 5. 2–3 = *Archil. fr.* 3 West). Поэт говорит о предстоящей схватке, в которой не будет ни «многочисленных луков», ни «густо летящих дротиков»: оружием бойцов станут мечи, поскольку евбейцы умеют воевать именно так. На основании этого текста можно вместе с Плутархом сделать вывод, что евбейцы были мастерами ближнего боя. Но разделить уверенность В. Паркера в том, что в этом отрывке речь идет о ЛВ, все-таки трудно. Почему, например, Архилох не мог описывать встречу паросцев или андросцев с евбейскими колонистами во Фракии?

Автор старается максимально точно определить время жизни Архилоха, останавливаясь на таких проблемах, как дата солнечного затмения, упоминаемого поэтом (fr. 122), хронология «многозлатого Гига» (fr. 19), дата разрушения киммерийцами Магнесии («беды Магнесии», упоминаемые в fr. 20, Паркер вслед за Страбоном связывает с нашествием киммерийцев), и, наконец, время основания Фасоса. В первом случае наиболее вероятная дата – 661 или 648 год. Смерть лидийского царя Гига, разрушение Сард, а вслед за этим и уничтожение Магнесии, согласно ассирийским источникам, относится к первой половине 640-х годов. Присутствие паросцев на Фасосе наиболее отчетливо фиксируется по так называемой «мелосской керамике» примерно за десятилетие до середины VII в. Все эти данные в общем подтверждают принятую в науке датировку Архилоха ок. 680–640 годов. Считая, что в упомянутом фрагменте паросский

поэт описывает ЛВ (причем как современное ему событие), В. Паркер приходит к заключению, что мы получаем одну из дат ЛВ – середину VII в. до н.э.

В кратком резюме автор суммирует полученные результаты. Из сопоставления литературных источников с данными археологического изучения Евбеи возникает примерная датировка ЛВ. Разрушение Ксерополя, возведение оборонительной стены и эретрийские погребения устанавливают нижнюю дату ЛВ ок. 710 г. Ближко к этому времени окончание евбейской колонизации на Западе и евбейского присутствия в Аль-Мине. Свидетельство Архилоха позволяет В. Паркеру определить верхнюю границу ок. 650 года.

В пятой главе (с. 95–118) рассматриваются вооружение и тактика в период ЛВ. Архилох, как мы видели, говорит, что оружием сражающихся сторон были мечи (ξίφεα). Ясно, что он не имеет в виду бой гоплитской фаланги, так как главным оружием гоплита являлось тяжелое копье. В. Паркер указывает в этой связи на ряд фактов: халкидские мечи пользовались известностью в древности (Alc. fr. 357 Lobel–Page); в эретрийском некрополе были обнаружены длинные рубящие мечи; Страбон ссылается на договор, заключенный между участниками ЛВ, который запрещал использование метательного оружия (X. 1. 12, p. 448).

В. Паркер убежден, что Архилох и Страбон описывают одно и то же событие. Речь, по его мнению, может идти о переходном этапе в развитии гоплитского вооружения и тактики, когда гоплиты сражались по преимуществу длинными рубящими (sic) мечами. Нельзя, конечно, подвергать сомнению факт существования гоплитов во время Архилоха. Как известно, гоплитская фаланга засвидетельствована в середине VII в. изображением на вазе Киджи. Но является ли трактовка В. Паркера единственно возможной? Во всяком случае, Страбон сразу же после упоминания договора между Халкидой и Эретрией отмечает, что уже у Гомера евбейцы изображаются как мастера ближнего боя, причем как единоборцы, сражающиеся по преимуществу мечом (X. 1. 13, p. 449). Поэтому мне кажется, что у Архилоха (независимо от того, идет ли в его стихах речь о ЛВ или нет) евбейский бой мог скорее ассоциироваться с единоборствами «Илиады», чем с битвой гоплитов. Что касается рубящих мечей и наконечников метательных копий в эретрийских погребениях конца VIII в., то они наводят на мысль о традиционном вооружении всадников, а не о гоплитской фаланге. Автор же старается убедить читателя в обратном.

Он подробно рассматривает вопрос о роли конницы в период ЛВ. По Аристотелю, Халкида и Эретрия в пограничных конфликтах использовали лошадей (Polit. 1289b 38). Если Аристотель имеет в виду конницу, то это сообщение вступает в противоречие с тем, что нам известно о развитии этого рода войск. В целом участие всадников в боевых действиях нетипично (не считая Фессалию) для VIII–VII вв. Однако кроме Аристотеля об эретрийских всадниках пишут Страбон (X. 1. 10, p. 448) и Плутарх (Amatorius 17, p. 760c), пользовавшийся сообщениями трех авторов. Остается непонятным, почему В. Паркер предпочитает дискредитировать (причем без особого успеха) эти сообщения, вместо того чтобы допустить, что конница в период ЛВ играла известную роль в войсках халкидян и эретрийцев.

Шестая глава (с. 119–152) посвящена союзникам Халкиды и Эретрии в ЛВ. Античная традиция называет лишь Самос, Милет (Herod. V. 99) и Фарсал в Фессалии (Plut. 1. c.). Известно, что Милет выступил на стороне Эретрии, Самос – на стороне Халкиды. В. Паркер подробно разбирает историю взаимоотношений этих двух ионийских полисов. В результате, он предлагает гипотезу о военном столкновении Милета и Самоса в начале VIII в. Похоже, что война нескольких городов-соседей против Мелии, расположенной на п-ове Микале, завершилась ок. 700 г. разделом ее территории, сразу же ставшей для победителей яблоком раздора. В этих условиях, действительно, велика вероятность территориального спора между Милетом и Самосом. Неясным остается, правда, почему этот конфликт сделал в период ЛВ Милет союзником Эретрии, а Самос – сторонником Халкиды. Заслуживает внимания предположение автора о том, что за мифологическим рассказом о захвате евбейского города Кариста неким милетским претендентом на царское звание (Konon FGrHist 26, fr. 1. 44) может стоять эпизод ЛВ. Здесь, конечно, главная трудность заключается в датировке последних милетских Нелеидов, но отвергать возможность того, что эпизод относится к первой половине VII в., нет особых причин.

На вопрос об участии в ЛВ Эрифр и Хиоса, фигурирующих иногда в списках союзников, В. Паркер отвечает отрицательно. Затем он обращается к рассмотрению мегарско-коринфских отношений в связи с ЛВ. Он приводит доводы в пользу того, что ок. 700 г. между Мегарами и Коринфом происходила война. Главный среди них – упоминание в эпитафии мегарскому олимпионнику 720 г. Орсиппу (IG 7. 52; ср. Schol. Thuc. 1. 6) неких противников, пытавшихся отторгнуть земли мегарцев (правда, принимаемая Паркером датировка этой эпитаграммы VI в. способна вызвать сомнения; эпитаграмма, по всей видимости, поздняя). Самыми вероятными

кандидатами на роль врагов в данном случае являются коринфяне. Дальнейшие допущения В. Паркера более произвольны. Не ясно, почему необходимо соотносить с ЛВ: 1) мегарско-коринфский пограничный конфликт, 2) изгнание коринфянами эретрийцев с Керкиры в 733 г. (или, по Паркеру, в 706 г.), 3) изгнание мегарцев из Леонтин халкидскими колонистами незадолго до 728 г.

Об отношениях между Коринфом и Самосом, а также Коринфом и Милетом в период ЛВ нам практически ничего неизвестно, если не считать присутствия на Самосе коринфского кораблестроителя Аминокла в конце VII в. (Thuc. I. 13. 3). Отношения между Мегарами и Самосом можно характеризовать как враждебные. Об этом говорит и сообщение Плутарха (Quaest. graec. 57, p. 303–304) о попытке мегарцев захватить Перинф, самосскую колонию в Пропонтиде. Напротив, Мегары и Милет находились в дружеских отношениях. Косвенным подтверждением этого является освоение их колонистами одного и того же понтийского региона. Остальные возможные претенденты на роль союзников Халкиды или Эретрии (Парос и Наксос, Спарта и Мессения, Кротон и Сибарис, Эгина, Дельфы) не могут быть приняты во внимание за недостатком источников.

Седьмая глава (с. 153–160) озаглавлена «Причины войны». Автор останавливается на трех возможных причинах: 1) борьба за Лелантскую равнину; 2) борьба Халкиды против Ксерополя; 3) конкуренция в торговле и колонизации. В. Паркер в отличие от многих не преуменьшает значение Лелантской равнины. Она была самой плодородной на всей территории Евбеи и могла стать причиной столкновения двух городов. Автор напоминает в этой связи о роли долины Памиса в Мессенских войнах и Элевсинской равнины в многолетней борьбе Афин и Мегар.

При всем этом, с его точки зрения, объяснения античных авторов, выдвигающих на первый план именно такую причину ЛВ, являются лишь «учеными конструкциями». Между тем, разве не показательно, что все без исключения античные источники даже не ищут других объяснений? Далее, можно предположить, что начало ЛВ связано с нападением Халкиды на Ксерополь. Не исключено, что Халкида, традиционно имевшая в своем распоряжении почти всю равнину, столкнулась с притязаниями со стороны соседнего Ксерополя на какую-то часть этой территории.

По поводу третьего объяснения В. Паркер приводит такие соображения. Интерпретировать ЛВ как войну торговую или хозяйственную было бы ошибкой. С этим следует согласиться. Действительно, даже для более позднего времени мы не имеем данных о борьбе греческих городов за торговую монополию. Это, конечно, не значит, что торговля и колонизация не влияли на межгосударственные отношения. Очевидно, они способствовали дружеским отношениям Милета и Эретрии, а также Коринфа и Халкиды. В случае с Самосом и Милетом, как отмечает Паркер, могла бы идти речь о наследственных связях между аристократами Евбеи и этих ионийских полисов. Очевидно, евбейцы и восточные ионийцы пересекались на Кикладах, где велико было влияние Эретрии (Strabo. X. I. 10, p. 448). С другой стороны, наличие родосско-ионийской керамики в Аль-Мине открывает дорогу гипотезе о сосуществовании милетян, самосцев и евбейцев в этой точке греческого мира. С этим следует согласиться. Наоборот, в случае с Коринфом и Мегарами, как кажется, не имеет смысла прибегать к гипотетическим объяснениям. Ведь, как говорилось выше, уже сама идея об участии этих городов в ЛВ построена на ряде допущений.

Восьмая и заключительная глава (с. 161–165) посвящена результатам ЛВ. Автор приводит аргументы в пользу того, что победителем из войны вышла Халкида⁴. Первым косвенным доводом служит строчка из древнего стихотворного оракула литературного происхождения (Anthol. Palat. 14. 73), где халкидяне названы «самыми доблестными мужами». В. Паркер допускает, что она датируется VII веком. В этом случае можно было бы предположить, что таким эпитетом халкидяне обязаны удачному для них исходу ЛВ. Продолжая аргументацию, В. Паркер обращает внимание на сообщение Геродота о том, что в 506 г. афиняне вывели 4000 клерухов на земли халкидских гиппоботов (V. 77). Он сопоставляет его с рассказом Элиана на ту же тему (Var. hist. 6. 1), где сказано следующее: 'Αθηναῖοι κρᾶτήσαντες Χαλκιδέων κατεκληροῦντο αὐτῶν τὴν γῆν ἐς διαχιλοὺς κλήρους, τὴν Ἰππόβοτον καλουμένην χώραν, τεμένη δὲ ἀνῆκαν τῇ Ἀθηνᾷ ἐν τῷ Ἀτλάντι ὀνομαζομένῳ τόπῳ, τὴν δὲ λοιπὴν ἐμίθωσαν («Афиняне, подчинив халкидян, разделили их землю – территорию, которая называется

⁴ Существует и противоположное мнение, согласно которому победила Эретрия. Его высказал Дж. Бордмен на основе анализа евбейской керамики (Boardman J. Early Euboean Pottery and History // ABSA. 1957. 52. P. 27–29).

"гиппоботовой" – на 2000 клеров; в области, именуемой Лелант, они отдали Афине священные участки, а остальную землю они сдали в аренду»).

Подобно Геродоту (I. с.), Элиан говорит о земле гиппоботов, отданной под клеры. Однако, по мысли Паркера, отождествить описываемые им события с колонизацией 506 г. не позволяет непосредственно следующее упоминание договоров аренды (τὰ τῶν μισθώσεων ὑπομνήματα), выставленных на стенах у Царского портика. На этом основании он связывает данные Элиана со второй колонизацией Халкиды в середине V в. (ср. IG I. 2. 39).

Дальнейшая интерпретация текста Элиана способна вызвать недоумение. Ссылка на «гиппоботову» землю, с одной стороны, и на договоры аренды, с другой, означает, что в источнике Элиана речь шла о двух различных актах колонизации Халкиды. Паркер предполагает, что слова τὴν Ἰππόβοτον καλούμενην χώραν [sc. κατεκληρούχησαν], τεμένη δὲ διήκαν τῇ Ἀθηνᾷ ἐν τῷ Ἀηλάντῳ ὀνομαζομένῳ τόπῳ могли первоначально относиться к событиям 506 г. Элиминируя из текста «вставку», мы получаем текст, говорящий о событиях середины V в. (Ἀθηναῖοι κρατήσαντες Χалκιδέων κατεκληρούχησαν αὐτῶν τὴν γῆν ἐς δισχιλίους κλήρους, τὴν δὲ λοιπὴν ἐμισθώσαν). Паркер делает вывод, что в первом из двух приведенных отрывков Лелант предстает частью территории, называемой «гиппоботовой». Это должно означать, что в 506 г. Лелантская равнина находилась в руках халкидских гиппоботов, т.е. перед нами дополнительное свидетельство о победе Халкиды в ЛВ. На мой взгляд, даже если принять предложенный Паркером метод работы с текстом источника, вывод о победе Халкиды не будет иметь принудительной силы. Дело в том, что на основе информации Элиана нельзя судить, принадлежала ли халкидянам вся территория Леланта или ее часть. Частью же равнины Халкида владела изначально. Иными словами, рассмотренный фрагмент не дает новых данных о результатах ЛВ.

Резюмируя (с. 166), автор подчеркивает следующие положения своей реконструкции. К концу VIII в. Халкида и Эретрия благодаря неслыханной экспансии стали ведущими городами Греции. Однако это обстоятельство не помешало возникновению территориального конфликта между ними. Они боролись на «рыцарский» манер, предпочитая луку и праще меч и метательное копье. Коринф, находясь в состоянии войны с Мегарами, вступил в ЛВ на стороне халкидян. Ок. 700 г. Эретрия и Халкида утратили свое значение на западе, где главная роль перешла к Коринфу. Несколько позже в ЛВ вступили Самос и Милет. В этой фазе войны Милет становится наиболее могущественным полисом в восточной части Эгеиды. Война Халкиды и Эретрии продолжалась во времена Архилоха (ок. 650 г.). В окончательном сражении победила Халкида, которой оказали помощь фессалийские всадники и фракийские халкидяне. Главным итогом войны для евбейских городов было то, что они потеряли свое бывшее могущество.

Книга заканчивается библиографией (с. 169–176), указателем собственных имен и реалий (с. 177–181) и указателем цитируемых мест (с. 183–189).

Работу Виктора Паркера в первую очередь характеризует стремление синтезировать максимальное количество данных источников, прямых и косвенных, касающихся всех аспектов ЛВ. Он сам отмечает, что немалая часть предлагаемых им решений – это рабочие гипотезы. В большинстве случаев они выглядят вероятными. Но некоторые идеи автора способны вызвать сомнения. Как кажется, ЛВ вписана В. Паркером в слишком широкие хронологические рамки, а причины упадка Халкиды и Эретрии сведены практически к одной. Могла ли война за Лелант вызвать прекращение торговой и колонизационной деятельности евбейских городов? Трудно представить, что здесь обошлось без влияния других факторов (внешнеполитических, географических и т.д.). Наконец, много ли у нас оснований не доверять античной традиции, весьма скромно оценивающей роль ЛВ в истории архаической Греции? Безусловно, исследователи, стремящиеся найти ответ на этот и другие вопросы, связанные с историей ЛВ, будут обращаться к книге В. Паркера.

И.А. Макаров